

Джеду — на верховой разведке за рекой

ГАЛАХАД ЗАДРИПАННЫЙ

*...как назвал его судья на процессе —
написано позднее, в бегах, в Мексике:*

Раньше было пять тыщ долларов — теперь всего
пять песо

Раньше пену с губ я слизывал — теперь делишки
швах

Раньше был завален лаврами — теперь торчок
облезлый

Раньше жил в цивилизации — теперь сажу в кустах.

Кто блистал талантом редким и гремел на целый мир

Как чувак, не лыком шитый и хвалой осыпанный

Тот преследуем в двух странах да травим ищейками

И засужен, как всего-то Галахад Задрипанный.

Галахад Задрипанный — заржавел твой меч суровый?

Галахад Задрипанный — вот такая, блин, байда!

Утекай, таись, ховайся, до того как свинтят снова

Чтобы мучился виною и сгорал ты со стыда —

примерно так оно все и было.

ВЫПУЛЬ ИЗ ТРЕЗВЯКА

В казенную гостиницу округа СМ я вписываюсь в своем обычном — кожаная куртка, полосатые штаны и ботинки, на шее болтается серебряный свисток. В лагере разрешают носить уличную ветошь. А цирики в Окружной Каталажке терпеть не могут такого попустительства. Лейтенант Гердер поднимает голову от пишмашинки, видит мой прикид, его и без того каменная морда стервенеет еще.

— Так, Дебри. Сдавай все.

— Все?

Обычно Почетных Лагерников пропускают так — доверяют, что сами сдадут часы, ножики и то-се.

— Все. Не хватало еще, чтоб ты в свисток этот свой дул среди ночи.

— Тогда выписывайте протокол об изъятии по всей форме.

Он не мигая смотрит на меня сквозь сетку, по ходу извлекая строенный бланк из готовой стопки и заправляя его в машинку.

— Один свисток, — говорю я, стаскивая через голову цепочку. — С серебряным распятием, припаянным к боку.

Он не печатает.

— Одна блюзовая гармошка, ми-бемоль.

Он только смотрит на меня поверх клавиш.

— Да ладно вам, Гердер; вам подавай все, а мне подавай протокол об изъятии всего — свисточки, гармошки, все остальное.

Мы оба знаем, что на самом деле меня тревожат две тетради из Почетного Лагеря.

— Суй все в лоток, — говорит он. — И что это на тебе за прикид Дейви Крокетта, Дрочила? Сымай.

Он выходит из клетки, пока я стаскиваю куртку с бахромой, которую мне сшила Бегема¹ из той шкуры, что мы содрали с лосихи, которую Хулихен сбил, когда ехал с перевала Семи Чертей накануне Всех Душ без тормозов и с битыми фарами.

— В лоток. Так, руки на стену — ноги на линию. Ширше. — Он пинает меня в лодыжку. — Помощник Рэк, прикройте меня, пока я досматриваю заключенного.

Меня шмонают. Полная программа, фонарик и все дела. Забирают темные очки, носовой платок, щипчики для ногтей, шариковые ручки — всё. Две мои тетради обернуты здоровенной прощальной открыткой, которую Фастино мне нарисовал на оберточной бумаге. Гердер сдирает ее и швыряет в мусорную корзину. Тетради же кидает поверх остального барахла.

— Мне надо протокол об изъятии, Гердер. Это по закону.

— Пока вы у меня в аквариумах, — сообщает мне лейтенант Гердер, — законы тут мои.

В голосе нет злобы. И злости. Он ставит меня в известность.

— Тогда ладно... — Я вытаскиваю из лотка свои тетради и поднимаю повыше. — Все свидетели. — Показываю их помощнику Рэку и остальному контингенту, что ждет в дежурке. — Все видели? Две тетради.

После чего передаю их Гердеру. Тот их уносит в свою клетку и кладет рядом с машинкой. Колотит по клавишам, не обращая внимания на злость по другую сторону барьера. А Рэк не так спокоен: многие из этих парней еще на много месяцев вернутся с ним в лагерь, где он охран-

¹ *Бегема (ивр.)* — животное.

ник без ружья. Сначала он, подмигнув, старается всех нас подмаслить, затем поворачивается ко мне, улыбаясь искреннейше, как мужик мужику.

— Ну что, Девлин... думаешь, из этих полугода с нами у тебя получится книжка?

— Думаю, да.

— А как выйдет, по-твоему, — в «Кроникл», с продолжением каждую неделю?

— Надеюсь, нет. — Лопухнулся я тогда — отдал три страницы заметок этому репортеру из воскресного приложения, засветился. — Должна сама по себе книга получиться.

— Многое менять придется наверняка... вроде имен.

— На блок сигарет спорим, что нет. Сержант Рэк? Лейтенант Гердер? Да лучше имен нипочем не сочинишь.

Рэк не успевает придумать, что на это ответить, — Гердер выхватывает из машинки бумаги и сует под сетку.

— Подпишите все три, помощник.

Рэку приходится взять ручку из моей кучи пожитков. Когда бланки возвращаются к Гердеру, тот выгребает всю мелочовку из лотка в картонную коробку для личного имущества с номером на крышке. Сверху комом кладет мою куртку.

— Так, Дебри. — Поворачивается на стуле к дверным переключателям. — Застегивай штаны и становись к калитке.

— А мои тетради?¹

— В изоляторе есть на чем писать. Следующий!

Когда я прохожу мимо, Рэк возвращает мне шариковую ручку — и Гердер прав: в трезвяке бумага есть. Сиксо тоже еще тут — больше недели назад его перевели сюда на выпуль. В синей робе вместо крикливых штанишек

¹ Этих тетрадей я так и не получил. (Прим. автора.) Выдержки из «Тюремных дневников» Кена Кизи — тетрадей 8 × 10 дюймов с рисунками и коллажами — в итоге были опубликованы только в 1997 г.

и спортивной куртки, но по-прежнему петушится, зачесывает сальный помпадур, дает крутого:

— Зашибись! Передвижной бардак прикатил.

Один за другим появляются парни, приехавшие с Рэком на челноке. Из-за меня Гердеру пришлось со всеми так — забирать сигареты, книжки, всё.

— Извините, — говорю я.

— Вы от Дебри подальше, — советует им Сиксо. — Он магнит для болони.

И тут лязгают ключи.

— Дебри! К тебе Даггз.

Дверь откатывается в сторону. Я иду за вертухаем мимо камер в комнату со столом. Там сидит инспектор пробации Даггз. Две тетради — на столе рядом с моим досье. Даггз подымает голову от бумаг.

— Я вижу, тебе удалось обойтись без дальнейших Нареканий, — говорит он.

— Я хорошо себя вел.

Даггз закрывает папку:

— Думаешь, тебя отсюда в полночь кто-нибудь заберет?

— Родня, вероятно.

— Аж из Орегона?

— Надеюсь.

— Ну и семейка. — Он смотрит на меня: взгляд профессионального надзорщика, искренний по инструкции. Сочувствующий. — Соболезную, что с отцом так вышло.

— Спасибо.

— Потому судья Риллинг и решил тебе скостить Нарекания, ты в курсе?

— В курсе.

Он читает мне нотацию о пагубе тра-ля-ля. Пускай треплется. Наконец встает, обходит стол, сует мне руку.

— Ладно, Прогулочник. Только не проспи заседание в понедельник в десять тридцать, если хочешь, чтоб тебя выпустили в Орегон.

— Приду.

— Я тебя провожу.

По дороге обратно в вытрезвильовку он меня спрашивает про эту Тюремную Книгу — когда выйдет? Когда все закончится, говорю. А это когда? Когда перестанет происходить. А сегодняшний разговор в ней будет? Да... и сегодняшний, и в понедельник утром, и на прошлой неделе — все в ней будет.

— Дебри! — окликает меня сквозь прутья Сиксо. — Ты в свою блядскую книжку вот что еще впиши: парень — я — парень от своих однокрытников шарахается, пять месяцев в пинокль с этим ебаным начальством играет — пять с половиной месяцев! А только собрался откидываться, какой-то вертухай хватился пачки «винстонов», звонит и спрашивает: «У вас Сиксо с какими сигаретами поступал? С „винстонами“? А ну-ка его придержите-ка!» Ну не подлянка ли, а, чувак? Только яйца, сука, трещат! Да ну какого хуя — Сиксо не серчает, — бахвалится он. — Анджело Сиксо — еще тот Сэр Чальей.

Есть такие пижоны, что нюни распускают — а все равно вроде как бахвалятся.

Меня запирают, и Даггз уходит. Сиксо опять садится. У него Двойной Срок, вот так вот его придержали — Нынешний плюс будущая Гуляша. Могут и на Тройной Срок оставить — прибавить уже прошедший Антракт, и тогда это называется Ярмо. Человек, ожидающий выпуля, называется — На Прогулке. Известно, что Прогулка — это круче Ходки. Многие Прогулочники едут головой, лажаются или пробуют выломиться. Короткий срок часто круче Долгого.

Лучше всего — вообще Выходить Налево. Вот про это как раз мои тетради.

В казенную гостиницу заезжают новые постояльцы. Туристы. Клиенты дома родного. Из потемок какой-то Копченый орет:

— Пощади, помощник Пьос... у нас и так уже ебил от
стены к стене...

Переполнен Вырезвитель,
От стены к стене нас тут.
Побыстрее вывозите:
Мал амбар — срока растут.

Домино стучат галопом,
У Копченых дикий хай.
Коли ебнешь кость с прихлопом —
Красной Смертью¹ заливай.

Выпуль держат уж три дня как,
Позвонить просил-просил..
Раз преступник — так не вякай.
Выпускайте всех ебил.

Дембельнись ли к Рождеству я?
Разрешат ли нам ларьки?
За Примерное скостят мне
Или выпустят кишки?

Кто мой бонг засветофорил?
Перекрыл нам самосвал?
Кто пятак перепахал нам,
Чем убил нас наповал?

Довели меня до ручки,
Лагерь ножки подломил.
Мальчик реабилитнулся.
Выпускайте. Он — дебил.

На таких, как он, пеструшек
Понаделали крючков..
В бога судьям — не игрушки,
Выпускайте судаков.

¹ Красная Смерть. Так называют плюху клубничного желе, которую дают на завтрак с кофе и тостом, — среди прочего оно довольно мощный клей. (Прим. автора.)

Джонсон, пацики — отвяньте.
Где вендетты — там Вьетнам.
Выпускай хипьё, квадратов:
Голубям хуйня война.

Вы, чей палец на гашетке,
Кто нам виселицу сбил,
У кого топор свободы, —
Выпускайте всех ебил.

В одиннадцать сорок меня выводят возвращают одежду свисток и гармошку определяют в камеру где скамья и еще один Прогулочник — пего-плешивый старикан от-тенка красного дерева и лет шестидесяти.

— О, я к дембелю еще как готов. Тока позови.

Он мечется кругами по камере то подбирает то опять на место ставит и опять подбирает старомодный такой ящик для чистки обуви на который ногу ставить а внутри стариковские пожитки. На нем потертый черный костюм, темно-свекольный галстук и белая рубашка. А ботинки надраены умопомрачительно.

— За что тебя, кореш?

— Клевер. А вас?

— На шурина с ножиком попер... а старуха моя лягавых вызвала. Да и не подрались мы толком вообще. Ай, плевать. Выпускайте меня отсюда, нахер!

Ставит ящик сербает кофе опять берет ящик.

— Так точно, уже иду, нахер!

— Удачи на дороге, — говорю я.

— И тебе того же. Ай, плевать. Я тут даже вес сбросил чутка. И народ приятный, познакомился...

Перед камерой останавливается молодой черный блатной и дает ему номер на бумажке.

— Надеюсь, написал разборчиво, — бурчит старик.

— Крупно, Папеч. Не забудь. Как тока на телефон наткнешься, скажи ей — ее *Сладкий Песик* еще гавкает.

— Еще б, конечно скажу.

— Спасибо, Папеч. Давай там.

Как только парнишка уходит, старик комкает бумажку и кидает в парашу.

— Вот же чертов остолоп. А я тут с настоящими ебилами свел знакомство, как вишь. — Ставит ящик, ходит дальше и трет руки. — Ох, стар-добрый город — эт хорошо, да еще в субботу вечером все кочегарится. Если я себе до автобуса, тоись, дошкандыбаю. Скока время?

— На моих ровно двенадцать. Меня семья ждать должна; мы вас подбросим.

— Благодарствуйте, — говорит он. — До самого, значть, города? Ай, ладно, плевать. Что у нас есть-то, кроме сроков, где б мы *ни* были. За что, говоришь, сидел?

— Хранение и разведение.

— Вот же стыдоба какая — и это за добрый зеленый дар Божий. Кабы не хотел, чтоб она росла, так и семян бы не создал. И скока впаяли?

— Полгода, пятьсот штраф и три года хвоста.

— Вот же ж параша какая.

— Отмотал уже.

— Ну дак. Кроме сроков — ничего... — Прихлебывает остывший кофе, замирает... — Вот тока... ой, я, кажись, *готов*.

Ставит кружку, опять берет обувной ящик.

— Фрэнклин! — раздается голос. — Уильям О...

— На всех парусах, Начальник. Уже *иду*!

Я один на скамье, дохлебываю остатки его кофе, из кружки ложечка торчит. Пластиковый чехол, в котором был его костюм, остался висеть на трубе; полняк — там же, где старик его сбросил, на полу. Одежда призрака. Я тоже готов. Эта бумаженция исписана с обеих сторон.

— Дебри! Девлин Э...

— Уже *иду*!

ДУРЫНДА ДЖУН – ВОТ КАК

...ее звали, бывало, у битников. Утром сегодня заявляется со своим стариком, который, оказывается, сидел со мной, звали Муженек – тот чувак, что два-за-два отмотал. Славился тем, что два месяца за Нарушение Спокойствия растянул на два года – потому что никакой срани терпеть не желал. Гордился своей репутацией на киче, а сейчас на большой зоне поклялся больше не буйствовать – никакого больше красного мяса, красного вина или белых витаминов.

Джун сѐдни утром привезла его из Калифорнии, чтоб наша ферма на него благотворно повлияла. Их «нова» отказала на дороге, не успев свернуть к нам. Они все это объяснили, заикаясь и робея, Джун заливалась румянцем, Муженек заламывал свои татуированные лапы – похоже на мастифов с арены для боев.

Мы поговорили немного о ранних морозах, зеленых помидорах – как некоторые умеют созревать внутри, на солнечном подоконнике. Я им сказал, чтоб лучше взяли нашу машину и кабели, чтоб их тачку с дороги сволочь. Они отваливают – Джун впереди, сумочка по мосластым коленкам колотит. Я сразу вспомнил Стейнбека и тридцатые и эти накорябанные от руки предупреждения, что клеят вдруг к кассам по всей округе: «ЧЕКИ НА СУММУ СВЫШЕ СТОИМОСТИ ПОКУПКИ НЕ ОБНАЛИЧИВАЮТСЯ!»

Притормаживает первый школьный автобус – и останавливается у позлащенной морозом кукурузы, выпус-

кает Калеба прямо там, где Муженек приставил мою колымагу к своей рот в рот. Детишки в окна пачифики кажут; это, видать, малахай Джун с узелковой раскраской на них так подействовал.

Проезжает сосед — бибикает, это наш финдибоберный сосед, с богатой родней и не фермой, а «ранчо». Ездит на бурячного цвета новеньком «мустанге» с отливом.

Похоже, драндулет у них задрандулетил; слышу, как заезжает к нам на дорожку вниз.

Калев втаскивает почту — счета, газеты и том в переплете, под названием «Любовь к месту», автор — какой-то сильно знаменитый святой, про которого я никогда не слышал. Любви к месту нельзя научиться ни от тех, кто сверху, ни от тех, кто снизу, мне так кажется...

Какая-то суета, грохот, лягз, а солнце меж тем сочится сквозь дымчатый сентябрь. Мимо бурчит самолет, а кукуруза все ярче золотеет.

Второй автобус — для деток постарше. Вылазят Квистон и Шерри. Калев скачет по грядкам им навстречу, размахивая над головой золотым початком.

— Эй, а на что спорим, вы не знали, что тут были Джун и ее Дурында!

ДЕНЬ МАТЕРИ, 1969: ДОКЛАДАЕТ КВИСТОН

По-мойму она из леса пришла, по-мойму добралась туда, где ей полагается имя.

Папаня думает.

По-мойму хорошее имя — Пантера, Шерри говорит, *то-очно...*

Мы в саду, я, Шерри и Калев, поим ее теплой водой из бутылочки — у Шерри были кукольные бутылочки от «Слезок». Мы в саду, потому как папане охота поснимать. Таскает треногу туда-сюда, из-за теней дергается. По-моему, она смотрится отлично, скачет себе на солнышке по горчице мягкого такого желтого цвета. Я тут думал, какое все мягкое, и что время идет, и хорошо, если у нас будут картинки, как она растет с нами, и с коровами и собаками и утками и гусями и голубями и павлинами и кошками и лошадьми и курами и пчелами, с попугаем Румиоко и вороном Бэзилем и ослицей Дженни и с людьми этими всеми.

Камера стрекочет. Папаня снимает, как мы с Калевом ее кормим, а Шерри венчик плетет и ей на шею вешает: Принцесса *Панте-ера*. А тут Доббз такой на самосвале прикатывает, а в самосвале дети его и мятный компост, который маманя заказывала.

Мы все едем в маманин сад и воняем, как миллион старых мятных «Спасателей», и папаня снимает, как мы лопатами машем и раскидываем компост. Потом как мы такие стоим — лопаты с метлами на плечо. Снимает, как куры выстроились вдоль забора, прямо школьная фотка, и как Стюарт показательно лупит Килроя — это псина

Фрэнка Доббза. А потом папаня хочет напоследок снять лошадей на дальнем поле.

Квистон, говорит, запри этих клятых псин в малярке. А то лань нашу мелкую перепугают.

Когда все собаки заперты в малярке, мы забираемся в кузов самосвала, который с тех пор, как Доббз его починил, вообще ничего не самосваливает, и едем на пастбище. Мы с Калемом, и все Доббзовы ребята, и Шерри — нос морщит, ей, видите ли, воняет. Когда проезжаем мимо сада, вижу, что она умостила, где и была, в высокой горчице за трактором, у которого спустило шину. Голову задрала, прям вылитая принцесса, хвастается — ожерелье у нее из васильков и ромашек.

Во лошадям-то радость — люди приехали. Папаня снимает, как они гарцуют по зеленому коври, толстые такие и довольные. Он снимает, пока не кончается пленка, убирает камеру в кофр и достает ведро с зерном. Трясет его, чтоб лошади услышали, что там не пусто, и идет к боковым воротам. Хочет увести лошадей с главного пастбища, чтоб оно отдохнуло. А они не хотят никуда. Жеребенок Дикий Ржак и Джонни пихаются и друг друга кусают. В коньтрах они, папаня говорит, — бузят, как школьники в раздевалке. Дикий Ржак — молодой жеребчик, аппалуза, его грейтфул-дэдники оставили, когда проезжали тут осенью, и он мой, если я докажу, что могу о нем как следует заботиться.

Мамаша его, белоглазая кобыла, близко не подходит, смотрит. Смотрит, Доббз говорит, как ее пацаненок по молодости бесится. Потом она идет в ворота, где папаня ведром трясет. Дикий Ржак за ней, а за ним ослица Дженни. Последним идет мерин Джонни — он у нас упрямый и близорукий. Мы его гоним и гоним, пока он не подходит ближе и не видит, что остальным зерно из ведра сыплют; тут он аж галопом припускает.

Папаня говорит, Джонни — как седой техасский рейнджер, старый гордец, *всегда* ловил негодя *никогда* не брал взятки, да только постарел... и сам теперь к ведерку.

Ослица Дженни бочком подбирается к зерну — задом наперед. А Дженни — как шлюха из Хуареса, говорит Доббз... что должна сделать — сделает.

Шерри идет к дому. Кaleb и ребята Доббза гоняют ужей в клевере. Я еду назад в кабине между папаней и Доббзом. У ограды загона стоит Дурында Джун в ночнушке, а с ней бык Абдул. Оба глядят на пастбище и хмурятся — мало ли, вдруг там обидят кого. Какое *варварство*, Хьюберт, говорит папаня, — он как бы Джун, а с ней ее друган Хьюб, а не бык, и она с Хьюбом этим говорит. Жестокое, плотоядное *варварство*! У меня аж мурашки.

А Доббз ему: да уж понимаю, Джунчик, — это он как бы Абдул, который как бы Хьюб, — но где ж ты в этой плотоядной стране другое халявное жилье сыщешь?

Папаня хохочет. Ему смешно, когда кто-то зависает на еде. Мы въезжаем, а потом я вылезая и запираю ворота. Джун залезла на нижнюю перекладину похмуриться на Джонни — мерин скачет вокруг Дикого Ржака, а тот напрыгнул сзади на ослицу Дженни. Дженни пыхтит и ерзает. Ну *ма-альчики*, говорит папаня. Не знаю, как бы как кто.

Мы латаем трубу, включаем насос и едем обратно через сад мимо ульев. Вчерашний новый рой все шебуршит-ся в цветах, свисает с ветки, как целая гроздь оранжевого винограда, жужжит, трудится себе в сумерках. Солнце уже почти скатилось по голому подбородку старины Маунт-Нево. Папаня стоит на подножке самосвала и орет всем, чтобы шли с поля: у дяди Бадди в городе «Звездный путь» начинается, меньше часа осталось!

Маманя из сада — она там граблями граблит — орет: час? Да уж меньше *получаса*!

Доббз идет кидать мешки в кузов, чтоб сидеть было удобно, и будит Микки. Шерри идет за домашкой на завтра — деду с бабушкой отвезти. Кaleb с Луизой и Мэй идут выпускать собак. Я бегу впереди папани в сад, забрать ее на ночь.

Что-то не так. Она там же, где была, но голова как-то не так свесилась. Венок упал, она голову склонила, и лицо

у нее — ой. Не дремота, не обезвоживание, как третьего дня, когда ее несло. Я бегу ее поднять, и голова повисает. Пап! Он аж бегом.

Черт! Собаки клятые.

Я их в малярке запер.

Может, соседская псина. *Ч-черт!*

Она... ой, пап, у нее спина как будто сломанная! Может, это ее, когда мы с пастбища приехали?

Да вряд ли, говорит папаня. Я ее видел, когда ехали через сад. Нормальная была.

Это из-за солнца! Мама же предупреждала. На солнце пересидела!

Не-е... думаешь? Да она недолго на солнце пробыла, вроде ничего... вообще-то.

Вообще-то, да. Папаня взял ее и унес из сада за сарай, в бетонный амбар — не потому, что там Джун с Хьюбом живут, а потому, что там холоднее всего. Там так тесно и узко ихлама в десять раз больше, чем у нас, когда мы там жили, а нас ведь было шестеро! Папаня расчистил место, нашел полусдутый матрац и ее уложил. Я увидел, что все идут, и залез на бетонную полку, где раньше спал. Все столпились и давай над ней охать. А она уже дышит хрипло и дергается. Я видел, как дерготня началась, — сначала пятнистый хвостик, а вскоре и по всему хребту, и лопатки, и грудь. Мамадя пришла, дала ей молока с хлористым кальцием — назамораживала, еще когда у Шлюшки теленок помер, — а я попробовал молиться. Но видел уже, как у нее жизнь в грудной клетке стучится наружу, будто выйти хочет.

Тут с работы пришел Хьюб и выматерился. Она же, вообще-то, его. Он ее нашел, где лес валили, а матери ее не было нигде. Решил, что сироткой осталась, бедняжка, — браконьеру спасибо, сукину сыну. Он как увидел, что она кучкой на резиновом матраце лежит, заорал и швырнул клетчатую коробку обеденную прям в бетонную стену и на колени упал. И давай грубыми ручищами по штанинам возить и материться шепотом. Хрипло так. Потянул-

ся к ней. А она спиной к его руке выгнулась, когда он ее по шее погладил, и обмякла. А он все матерился, все матом и матом.

Поплохело ей. Вообще уже еле дышала. Я даже с полки своей слышал, как у нее внутри булькает. Как бы, маманя сказала, она не захлебнулась. Жидкость в легких. Пневмония.

Папаня и Хьюб по очереди поднимали ее вниз головой, чтоб можно было на колени встать и отсосать из нее эту жижу. Желе такое серебристое, прям из ноздрей у нее. И черный свет блестящий у нее в глазах уже гас, и дерготня под ребрами подуспокоилась. Один раз она этак выгнулась и тонко закричала, тихонько совсем. У деда так кричит деревянный маночек, когда дед дует в темноте, лису приманивает, или пуму, или рысь. Ну, он так говорит.

Хьюб все сосал и пыхтел. Ее раздувало. Папаня подождал чуток, а потом говорит: брось, Хьюб. Померла она. А когда Хьюб бросил и папаня ее на матрац положил, воздух вышел и запищал, только не по-животному. Дурацкий такой гудок, вроде дуделки, как у Харпо Маркса, которая у Калеба уже потом появилась.

Шерри и Джун насыпали в ящик из-под яблок розовые лепестки и клевер. Маманя нашла кусок китайского шелка. У насоса коровы и лошади столпились, глядят. Мы сверху положили круглый камень — хороший такой камениюка, маманя нашла на речке, которая называется Свара. Вас, сказала, и на свете еще не было. Папаня на флейте наяривал, Доббз в губную гармошку гудел, а Джун звякала на ксилофоне «Фишер-Прайс», для маленьких, который мне прабабушка Уиттиер подарила, — до сих пор работает. Хьюб разик дунул в травинку — она тихонько задудела, вот прямо так же, — ну и все, похоронили.

В общем, пропустили мы «Звездный путь» у Бадди, и воскресный ужин, и бабушку с дедом, и вообще всё пропустили. Зато папаня нас подстриг. Все разошлись по койкам рано. А сегодня утром туман стоял, школьный автобус еще не приехал, и тут на пруду собаки вдруг как залают.

Вас, маманя говорит, не касается, доедайте уже и собирайтесь. Сама, дескать, сходит глянуть, что такое. Вылезает из подъемного окна в кухне и идет в туман. Хьюб встает из-за стола и смотрит, кофе пьет, а потом собаки замолкают, и он опять садится. Джун под руку ему кладет коробку с обедом, и Хьюб ворчит. Ну, думаю, сейчас опять как начнет материться. Но тут приходит маманя, а Стюарт с Лэнсом на нее так и насакивают! Пятигаллонное ведро для рыбешки держит над головой, чтоб собаки не достали, и так разволновалась — аж красная вся.

Я думала, говорит, лягушка, лягушка-бык, — может, думаю, эта старая цапля окаянная ее покалечила, а унести не смогла. Подхожу, смотрю — а оно *волосатое*. Плавает себе кругами в рдесте, а Стюарт заливается. Я ему: фу! Оставь его в покое! Тихо! И только он умолкает, вот честное слово, *оно вылезит на берег — и к нам*. Я его в ведро поймала — не разобралась даже, кто это...

А это крупный гофер Буллера, злобный, как чертяка. Резцы — ужас, как две ржавые стамески. Стоит в ведре на задних лапах, чирикает и зубами клацает прям на нас. Хьюб берет ведро и туда лыбится — а у него тоже зубы не подарок. Они со зверем чирикают, потом Хьюб открывает коробку с обедом и вываливает туда гофера, прям к термосу клетчатому, и к яблоку, и к сельдерее, и к бутербродам в пленке, — и захлопывает.

На лесоповале выпущу, говорит, и желтой улыбищей светит Дурынде Джун.

Ты осторожней, говорит Джун, а сама тоже лыбится, не перепутай, а то выпустишь ненароком бутерброд с сыром, а гофера съешь. Ага, говорит Шерри, *то-очно*, — ну, как она умеет, — и идет ждать автобуса. И Кaleb такой: ага, *то-очно*. А маманя: вон ваш автобус Квистон доклад забери Кaleb где твои ботинки! Да уж постараюсь, говорит Хьюб, вкусный был завтрак, до вечера, народ...

У меня первый урок — риторика, «Расскажи, что ты сделал для мамы в День матери». Ну и что мне говорить-то?

ТРАНСМИСТЕР ЗА БУГРОМ

На плазе

...цветки гибискуса тяжело шмякаются, пластаются по солнечной брусчатке и бетонным скамейкам, точно жирные мексиканские генералы в ало-зеленых парадных мундирах, обмякли, взопрели, устали, в строй ветвей им уже не вернуться. Может, позже. А пока — сиеста...

— Да что ж такое! — орет стриженный ежиком седой американец из Портленда: лицо на полтинник, истекает потом, а новенький «додж поларо» жметесь за экватором у *Larga Distancia Oficina*¹. — Ну третья ведь уже, а даже пяти тыщ миль не наберется!

Орет он из Пуэрто-Санкто, Мексика, в Тусон, Аризона, где купил последнюю трансмиссию, прежде купив вторую в Оровилле, Калифорния, — там он уплатил, особо не гундя, это *возможно* ведь — раздолбать привод, мили-то на него навалились нелегкие, но снова менять в Тусоне? А теперь недели не прошло — и опять? Третья полетела?

— Что ж такое-то! Короче: я ее выковыриваю и отправляю вам первым же поездом. Надеюсь, ваши механики тоже поторопятся, ясно? Пришлют мне новую, чтоб мы успели на праздник в Гвадалахаре — это через восемь дней. И я хочу вам *сказать* — такая работа непростительна!

Однако о том, что волочет за собой двадцатичетырехфутовый жилой прицеп, он механикам из Тусона не сказал.

¹ Контора дальних перевозок (*исп.*).

— Я десять лет на «доджах» езжу. Мы ж не хотим, чтобы из-за одной малости этими десятью годами все и кончилось?

Повесил трубку и обернулся ко мне. Я был следующий в очереди, его ближайший слушатель.

— Тут-то эти мастаки по Тусону и забегают, жопами дымя, а, Рыжий? — Он подался ко мне, будто мы сто лет знакомы. — Они ничего себе ребятки. Я б даже сказал, неплохо бы найти тут механика, у которого хоть *гран* той соображаловки, что у этих аризонских.

Янки снова всех победили, его по такому случаю разобрала любовь к землякам, и он решил сделать вид, будто не замечает, как давно я не брился.

— Тебя как звать-то, Рыжий? Ты мне чуток моего старшего напоминаешь, если этот мох сбрить.

— Дебри, — сказал я и пожал ему руку. — Девлин Дебри.

— И что привело тебя, Дев, в первобытный Пуэрто-Санкто? Дай угадаю. Природу щелкаешь. Я видал, как ты в опавшие букетики целился.

— Мимо, — сказал я. — Даже камера не моя. Отец дал. Мы с ним и с братцем моим приезжали сюда в том году — так отец ни одного снимка не сделал.

— Папаша, значит, тебя послал за прощелканными воспоминаниями. Небось ему понравилось сильно больше, чем мне.

— Опять промазали. Он меня послал за прыгающими бобами.

— Прыгающими бобами?

— За мексиканскими прыгающими бобами. В том году, когда приезжали, он тут познакомился с механиком, который еще разводил прыгающие бобы. Папаня купил из нынешнего урожая на сотню баксов.

— *Прыгающие бобы?*

— Пять галлонов. Папаня хочет раздавать по одному с каждой квартой мороженого, чтоб рекламировать новый

вкус. Не прыгающих бобов вкус, а пинья-колады. Молочня у нас.

— Дебри, значит? — И он подмигнул — мол, шучу, не подумай чего. — Типа «пуща»?

Я ответил, что скорее типа «Польша». Он засмеялся.

— Ну, все *равно* ты на моего пацана смахиваешь. Может, заглянем в бар, когда позвонишь? В отель «Соль»? Может, я тебе твоего старика напому.

Он снова подмигнул и отчалил, дурашливо приподняв кепку и поклонившись остальным туристам, ожидавшим очереди позвонить домой.

Я отыскал его под пальмовым зонтиком у бассейна. Уверенность его уже слегка поблекла: может, рассуждал он, *вместе с* трансмиссией надо было заказать хорошего американского механика — оплатить мужику дорогу, а потом закатить скандал «Доджу». Я заметил, что и в Мексике попадаются неплохие механики. Ну да, согласился он, куда им деваться — эта рухлядь же должна бегать, но что они понимают в современной автоматической трансмиссии? Он стащил с носа темные очки и внезапно опять всосал меня в эту свою конфиденцию.

— Возьми, скажем, лучшего спеца по карбюраторам в стране, пусти в огород, где он не спец, — и головной боли не миновать. Столько головной боли, поверь мне...

От этой истины и алкоголя ему полегчало. Ухмылка вернулась, а второй «Сигрэмз» с «Северен-Ап» так его смазал, что скрип панического нытья почти исчез. Узрев донышко третьего, он уже пьяно покатился под горку и собрался прочесть мне лекцию о головных болях, что приключаются с человеком на тернистом жизненном пути и спровоцированы *главным* образом несведущими неумеями, которые сунулись туда, где им нечего делать. *Столько* головной боли! Чтобы сбить его с этой темы, я вставил совершенно мирный, казалось бы, вопрос: а с ним-то много? Один глаз его странно сощурился и скользнул по моему рюкзаку и бороде. Вдавлив педаль подозрений в пол, он известил меня, что с ним его *жена*, а в чем дело-то?

СОДЕРЖАНИЕ

Галахад Задрипанный. <i>Перевод Н. Караева</i>	7
Выпуть из трезвяка. <i>Перевод М. Немцова</i>	8
Дурында Джун — вот как. <i>Перевод М. Немцова</i>	16
День Матери, 1969: Докладает Квистон <i>Перевод А. Грызуновой</i>	18
Трансмистер за бугром. <i>Перевод А. Грызуновой</i>	24
Абдул и Авенезер. <i>Перевод М. Немцова</i>	48
Назавтра после смерти Супермена. <i>Перевод Н. Караева</i>	70
В поисках Тайной пирамиды. <i>Перевод В. Гольшева</i>	110
Киллер. <i>Перевод В. Гольшева</i>	195
Картина маслом. Демоническая дребедень и кайфовые куплеты. <i>Перевод А. Грызуновой</i>	227
Найти доктора Фуна. <i>Перевод А. Грызуновой</i>	236
На бегу да в Великую стену. <i>Перевод Н. Караева</i>	254
<i>Бабуля Уиттиер</i> . Шельмец Горболыс и ведмедь Вдвойне Великан. <i>Перевод М. Немцова</i>	313
<i>Бабуля Уиттиер</i> . Страстная пятница <i>Перевод М. Немцова</i>	323
Вот теперь мы знаем, сколько дырок влезет в Альберт-Холл. <i>Перевод А. Грызуновой</i>	360
Демонский ящик: эссе. <i>Перевод В. Гольшева</i>	381
Когда в последний раз явились ангелы <i>Перевод В. Гольшева</i>	443
Примечания <i>М. Немцов, А. Грызунова, Н. Караев, В. Гольшев</i>	453